

ХРОНИКИ ЗАБЫТЫХ ФОНАРЕЙ

ХРОНИКИ ЗАБЫТЫХ ФОНАРЕЙ. СКРЫТАЯ ДВЕРЬ

АЛЁНА СЕВЕРИНА

Алёна Северина

**Хроники забытых
фонарей. Скрытая дверь**

«Автор»

2026

Северина А.

Хроники забытых фонарей. Скрытая дверь / А. Северина —
«Автор», 2026

В городе Североград героиня Ася Лесина сталкивается с старой семейной договорной магии. Ей помогает и одновременно препятствует Никита Северин. Главный объект этой книги: «Хроники забытых фонарей. Скрытая дверь». Центральный вопрос: позволительно ли использовать чужое согласие ради общей безопасности?

© Северина А., 2026

© Автор, 2026

Алёна Северина

Хроники забытых фонарей. Скрытая дверь

Глава 1. Наследство или письмо

В Северограде дождь начинался всегда одинаково: сначала на стекле появлялись редкие тёмные точки, будто кто-то пробовал город на прочность, потом вода собиралась в ручейки и без разрешения занимала подоконники, лестницы, тротуары. К вечеру улицы блестели, а старые фонари зажигались один за другим — неуверенно, с коротким дрожанием света.

Ася Лесина задержалась в архиве городского управления из-за папки, которую никто не хотел брать на ответственность.

Папка лежала перед ней раскрытая, серая, в пятнах от времени. На корешке выцветшими чернилами было написано: «Фонари. Северная линия. 1891–1937». Внутри хранились акты о ремонте опор, сметы, списки подрядчиков и несколько листов, явно вложенных позднее. Бумага у них была плотнее, края — срезаны вручную.

Ася надела перчатки и переложила документы по порядку.

— Если вы так бережно к ним относитесь, может, заберёте домой? — спросил Никита Северин от двери.

Он стоял, прислонившись плечом к косяку, с мокрыми волосами и папкой под мышкой. На его тёмном пальто блестели капли. Вид у него был такой, словно он спорил с кем-то всю дорогу и проиграл только потому, что дождь оказался настойчивее.

— Домой я забираю только счета, — ответила Ася, не поднимая головы. — Они хотя бы не делают вид, что принадлежат другому делу.

— Значит, вы уже нашли подмену?

— Я нашла вложенный лист без регистрационного номера. Это не одно и то же.

— Для вас — нет.

— Для архива — тем более.

Никита подошёл к столу. От него пахло улицей, железом и горьким кофе. Он положил папку рядом с Асиной, но не открыл.

— Я пришёл не мешать.

— Тогда вы выбрали неудачное место.

Он усмехнулся, однако возражать не стал.

Ася достала лист из серой папки. На нём стояли три печати: городская, нотариальная и неизвестная — маленький круг с изображением фонаря, перечёркнутого тонкой линией. Подписи были разными, но все сделаны одной рукой. Это Ася заметила сразу: в каждом росчерке буква «р» начиналась с одинакового резкого нажима.

— Документ составлен не в тридцать седьмом, — сказала она. — Чернила другие. И бумага фабричная, послевоенная.

— В тридцать седьмом здесь уже не было таких печатей, — отозвался Никита.

— Вы уверены?

— Я видел оттиск в семейных бумагах.

Ася наконец посмотрела на него.

— В семейных бумагах Северина?

Он выдержал взгляд, но рука его сжалась на краю стола.

— В старых бумагах, которые мне не следовало видеть.

— Это уточнение или признание?

— И то и другое.

Она вернула лист в папку, не касаясь печати голой рукой.

На полях документа имелась короткая приписка: «Дверь скрыта до тех пор, пока имя не будет возвращено владельцу». Ниже — перечень четырёх фамилий, две зачёркнуты, одна обведена. Последняя была знакома Асе: Лесина.

На секунду в архивной комнате стало слишком тихо. Даже дождь за окном будто отступил.

— Вы знали, что там будет моя фамилия? — спросила она.

— Нет.

— Но знали, что она может встретиться.

— Я знал, что среди владельцев старых договоров были Лесины.

— Владельцев чего?

Никита помолчал.

— Северной линии фонарей. И одной двери.

— Очень содержательно.

— Я не умею объяснять то, в чём сам не разобрался.

— Зато умеете не договаривать.

Он опустил глаза на документ. В лице у него исчезла привычная насмешка.

— В прошлом году я подписал бумагу, которую не имел права подписывать. Думал, что защищаю человека от последствий семейного договора. На деле просто воспользовался его доверием. Бумагу приняли. Человеку пришлось расплачиваться за решение, которого он не принимал.

Ася медленно сняла перчатки.

— И теперь вы решили, что все остальные должны довериться вам без объяснений?

— Нет. Поэтому я и пришёл сюда сам.

Из коридора донёсся звук падающей связки ключей. Архивист Павел Руденко выругался и вошёл, прижимая к груди картонную коробку.

— Я нашёл опись по дому на Соляной, — сказал он. — Но у меня плохие новости.

— У вас сегодня их много? — спросила Ася.

— Достаточно, чтобы не скучать.

Руденко поставил коробку на стол и достал журнал учёта. Обложка была вздута от сырости, страницы пахли пылью и клеем.

— Из фонда пропал один лист, — сказал он. — Не сам документ, а приложение к нему. Назывался «Скрытая дверь». В старой описи он есть, в новой — нет. А вчера мне принесли требование убрать из фонда ещё три дела, связанные с северными фонарями.

— Кто принёс?

— Человек с нотариальной доверенностью.

— Фамилия?

Архивист замялся.

— Северин.

Никита резко поднял голову.

— Это не я.

— Я знаю. Подпись ваша, но печать на доверенности поддельная. Я как раз собирался сообщить в полицию, когда обнаружил пропажу.

Ася взяла журнал. В графе выдачи стояли дата, время и подпись Руденко. Подпись выглядела настоящей.

— Вы выдавали этот лист?

— Нет.

— Тогда почему расписались?

Руденко побледнел.

— Не помню.

Никита шагнул к нему, но Ася остановила его ладонью.

— Не трогайте его.

— Я ничего не собирался—

— Именно поэтому и не трогайте.

Она наклонилась над журналом. Между строками оставался тонкий серый след, похожий на отпечаток воска. На коже Руденко, у основания большого пальца, темнела такая же полоска.

— Вас заставляли подписать? — спросила Ася.

— Не знаю. Я помню, как открывал шкаф. Потом... будто провал. А утром обнаружил, что ключ от фонда лежит у меня в кармане, хотя я оставлял его в сейфе.

На краю стола лежала обычная латунная линейка. Ася машинально придвинула её к журналу, чтобы распрямить страницу. Металл коснулся серого следа — и линейка тихо щёлкнула.

В её середине открылась узкая щель.

Ася замерла. Никита выругался шёпотом.

Внутри линейки оказался свёрнутый клочок бумаги. Не тайник, не чудо — просто полая старая вещь, которую когда-то аккуратно запаляли, а теперь шов разошёлся от сырости. На бумаге были написаны адрес и время: «Соляная, 14. Сегодня. 21:30».

Под ними стояла та же маленькая печать с перечёркнутым фонарём.

Руденко сел на стул.

— Я там был вчера, — сказал он. — В доме на Соляной. Меня вызвали проверить замок. После этого я и потерял несколько часов.

— Кто вас вызвал? — спросила Ася.

— Женщина. Она назвалась вашей родственницей.

Ася почувствовала, как внутри поднимается холод, не имеющий отношения к дождю.

Никита смотрел на неё, ожидая решения, но впервые не подталкивал к нему.

Ася сложила письмо, убрала его в прозрачный пакет и закрыла папку.

— В двадцать один тридцать мы будем на Соляной, — сказала она. — Но не для того, чтобы открыть дверь.

— А для чего?

— Чтобы выяснить, кто решил, что чужой подписи достаточно для чужой жизни.

Руденко не сразу поднялся. Он сидел, прижав ладонь к столу, и смотрел на прозрачный пакет с запиской так, будто внутри лежал не клочок бумаги, а его собственная вина, аккуратно сложенная вчетверо.

— Вам нельзя оставаться здесь одному, — сказала Ася.

— Я не ребёнок.

— Я этого не говорила.

— Но смотрите так, будто я беспомощный.

— Я смотрю на человека, который не помнит несколько часов своей жизни и не знает, кто получил доступ к ключу от фонда.

Руденко открыл рот, но возражение не нашлось. Он снял очки, протёр их краем рубашки и снова надел.

Никита тем временем достал телефон.

— Я вызову машину.

— Куда? — спросил архивист.

— Домой. Или в отделение, если вы согласитесь дать объяснение.

— В полицию я поеду, — Руденко ответил после паузы. — Только сначала закрою фонд.

— Фонд уже нужно закрыть, — сказала Ася. — И журнал тоже. Никто больше не должен к нему прикасаться.

Она оглядела комнату. В архиве было тихо, но тишина больше не казалась безопасной. За стеной гудела вентиляция, в коридоре где-то капала вода. На подоконнике стояли три горшка с

засохшей геранью, и среди серых листьев поблёскивала медная табличка с инвентарным номером.

— У вас есть камера? — спросила она.

— Над входом. Она давно не работает.

— А журнал пропусков?

— Вахтёрская тетрадь.

— Принесите.

Руденко посмотрел на Никиту, будто тот мог подтвердить, что требование разумно.

— Принесите, — сказал Никита.

— Вы двое всегда так разговариваете? — спросил архивист.

— Нет, — ответила Ася. — Обычно он сначала спорит.

— А сейчас?

— Сейчас у него есть основания не тратить время.

Никита бросил на неё короткий взгляд, но промолчал.

Руденко вышел. Его шаги быстро затихли в коридоре. Ася осталась у стола, не прикасаясь к журналу. Она достала из сумки карандаш и на чистом листе записала дату, время обнаружения, имена присутствующих и состояние документа. Никита наблюдал за ней, прислонившись плечом к шкафу.

— Ты собираешься сообщить обо всём в полицию? — спросил он.

— Да.

— До Соляной?

— Если мы сообщим сейчас, к дому приедут раньше нас. Человек, который оставил записку, может исчезнуть.

— А если это ловушка?

— Тогда полиция тем более должна знать, куда мы направились.

— Ты говоришь так, будто уже решила идти.

Ася подняла глаза.

— Я решила не позволять другому человеку выбирать за меня. Это не то же самое, что идти куда угодно без плана.

— План есть?

— Пока нет. Есть адрес, время, поддельная доверенность и архивист, которого использовали как подпись.

— И родственница, о которой ты ничего не знаешь.

— Возможно, я знаю.

Никита выпрямился.

— Кто?

Ася закрыла карандаш колпачком.

— Моя двоюродная бабушка Вера Лесина. Она жила на Соляной до того, как дом признали аварийным.

— Ты никогда о ней не рассказывала.

— Потому что рассказывать было нечего. Она уехала двадцать лет назад и не оставила адреса. Мать говорила, что Вера занималась семейными бумагами, но после ссоры забрала из дома всё, что считала своим.

— Почему ссорилась?

— Из-за договора.

Никита не стал задавать следующий вопрос. В этом и была его особенность: он умел остановиться там, где другой человек полез бы в чужую рану из любопытства.

Ася убрала лист в папку.

— Вера считала, что семейная магия держится не на крови, а на согласии. Её за это высмеивали. Потом выяснилось, что она подписала какой-то отказ от прав на архивные материалы.

— Подписала сама?

— Вот этого я не знаю.

В дверях появился Руденко. В одной руке он держал толстую вахтёрскую тетрадь, в другой — связку ключей.

— Вот записи за последние две недели. Но в день, когда я был на Соляной, здесь дежурил Чернов. Он ушёл в десять вечера.

— Ушёл? — переспросила Ася.

— Сказал, что плохо себя почувствовал.

Никита взял тетрадь, пролистал страницы.

— Здесь нет отметки о посетителе, который предъявил доверенность.

— Должна быть, — сказал Руденко. — Чернов записывал всех.

— Значит, страницу вырвали, — заметила Ася.

Между листами действительно виднелась неровная полоса. На следующей странице началась запись за другой день, но у корешка остался тонкий белый край.

Руденко побледнел сильнее.

— Я этого не замечал.

— Вы много чего не замечали, — сказала Ася без упрёка. — Вопрос в том, кто рассчитывал, что вы не заметите и дальше.

Никита перелистнул тетрадь назад.

— А вот это что?

На полях рядом с записью двухнедельной давности стоял маленький знак: перечёркнутый фонарь. Чернила расплылись, но печать была нанесена поверх них.

— Его здесь раньше не было, — прошептал Руденко.

Ася наклонилась. Запах у чернил был резкий, маслянистый. Печать поставили недавно, поверх старого текста.

— Кто имеет доступ к штемпелю?

— Только я.

— И тот, кто подделал доверенность.

— Но печать хранится в сейфе.

Никита посмотрел на связку ключей.

— А ключ от сейфа?

Руденко сжал пальцы.

— У меня.

— Всегда?

— В рабочем шкафу.

— Кроме вчерашнего вечера, — сказала Ася.

Архивист опустил взгляд.

На несколько секунд воцарилась тишина. Потом в коридоре раздался глухой удар. Все трое одновременно повернулись к двери.

— Здесь кто-то есть? — спросил Руденко.

Никита уже был у выхода. Он поднял руку, останавливая Асю, и бесшумно выглянул в коридор. Лампы под потолком горели через одну. У дальней лестницы качалась дверь запасного выхода.

— Никита, не надо, — сказала Ася.

Он обернулся.

— Я только посмотрю.

— Нет. Вы не знаете, кто там.

— Поэтому и посмотрю.

— А если вас специально хотят вывести из комнаты?

В его лице промелькнуло раздражение, но он остался на месте.

— Хорошо. Что предлагаешь?

— Запереть дверь и вызвать охрану.

Руденко уже доставал телефон. Пальцы у него дрожали так сильно, что он дважды промахнулся по экрану.

Из коридора донёсся скрип колёс. Кто-то медленно катил тележку. Потом раздался голос уборщицы:

— Руденко? Вы там?

Архивист выдохнул и прислонился к косяку.

— Я думал...

— Это нормально, — сказала Ася. — Вы пережили вмешательство в память. После такого любой звук кажется угрозой.

— Вы уверены, что это была магия? — спросил он. — Может, я просто... выпил лишнего? Или у меня давление?

Ася посмотрела на серую отметину у него на руке.

— Я не уверена, каким способом вас заставили подписать документ. Но уверена, что добровольным это не было.

Никита нахмурился.

— На чём основана такая уверенность?

— На том, что вы помните последствия, но не решение. На том, что подпись ваша, а содержание — нет. И на следе печати. Если бы вы согласились, след бы не оставили снаружи.

— Ты уже видела такое?

— Нет. Но договоры оставляют признаки. Даже когда люди пытаются спрятать их за словами.

Он помолчал.

— Ты понимаешь, что можешь ошибаться?

— Понимаю. Поэтому мы не станем обвинять никого до проверки.

— А если на Соляной окажется твоя родственница?

— Я спрошу, зачем она использовала Руденко.

— А если она скажет, что спасала архив?

— Тогда она всё равно должна объяснить, почему не спросила его согласия.

Никита опустил взгляд на пакет с запиской.

— Иногда спрашивать согласие опасно.

— Для кого?

— Для всех, если человек откажется.

— Тогда нужно искать другой способ. Иначе «общая безопасность» превращается в удобное название для чужой власти.

Он усмехнулся без веселья.

— Я уже слышал это от тебя.

— Значит, запомнил.

— Запомнил. Но не уверен, что сам всегда поступал так.

Ася внимательно посмотрела на него. Он редко говорил о прошлом прямо, будто каждое признание приходилось вытаскивать из места, где оно приросло к костям.

— Это относится к нынешнему делу?

— Возможно.

— Тогда скажите сейчас.

Никита поднял глаза.

— Когда исчезло первое приложение к хроникам, я знал, что один человек может его вернуть. Я не сказал тебе, кто это, потому что думал: если ты встретишься с ним без подготовки, он воспользуется твоим доверием.

— И что сделал ты?

— Попросил другого человека проследить за тобой.

Ася застыла.

— Без моего согласия?

— Да.

— И это ты называешь подготовкой?

— Нет. Ошибкой.

Ответ прозвучал настолько быстро, что она не нашла в нём привычного оправдания.

— Кто следил?

— Маркелов. Частный сыщик. Он должен был только сообщать, где ты находишься, если рядом появятся люди из старого круга Северных фонарей.

— Ты читал его отчёты?

— Один. Потом прекратил.

— Когда?

— После того, как понял, что он начал расспрашивать твоих знакомых.

Ася медленно закрыла папку.

— Ты собирался рассказать?

— Да.

— Когда?

Никита выдержал её взгляд.

— Когда нашёл бы способ сказать так, чтобы это не прозвучало как просьба простить.

В ней поднялся гнев — ясный, холодный, почти удобный. Он позволял не замечать, что Никита впервые сам вынес на свет поступок, за который его можно было оставить одного.

— Прощать я пока не собираюсь, — сказала Ася.

— Я не прошу.

— Хорошо.

Руденко неловко кашлянул.

— Мне... наверное, лучше не присутствовать при семейном разговоре.

— Это не семейный разговор, — ответила Ася. — И вы поедете с нами до участка. Дадите показания, потом останетесь там, если сочтёте нужным.

— А вы всё равно пойдёте на Соляную?

— Да.

Никита достал телефон и набрал номер.

— Я сам сообщу в полицию, что мы едем на адрес. Без подробностей, которые могут утечь через дежурную часть.

— Нет, — сказала Ася.

Он остановился.

— Что?

— Сообщите всё. Имя Руденко, поддельную доверенность, пропавший лист, адрес и время. Я не буду строить безопасность на том, что кто-то вовремя поймёт недосказанное.

Никита кивнул.

— Хорошо.

Он отошёл к окну и начал говорить диспетчеру. Ася тем временем запечатала журнал в пакет, попросила Руденко подписать акт передачи и поставила рядом свою подпись как свидетель. Когда она подняла голову, архивист смотрел на неё с усталой благодарностью.

— Вы ведь понимаете, что после этого меня могут уволить?

— Понимаю.

— Даже если я ничего не помню.

— Поэтому нужно зафиксировать не только пропажу, но и то, что вас использовали.

— А если они скажут, что я сам всё сделал?

— Тогда им придётся доказать, что вы добровольно согласились забыть.

Руденко впервые за весь вечер улыбнулся, хотя улыбка вышла слабой.

У выхода Ася остановилась. Никита закончил разговор и убрал телефон.

— Полиция будет через двадцать минут, — сказал он. — Патруль направят к архиву, ещё одну машину — на Соляную.

— Значит, у нас двадцать минут.

— Ася...

— Я слышала про Маркелова. Обсуждать это на улице не буду.

— Я понимаю.

— Нет, ещё не понимаете. Если сегодня вы снова решите, что ради моей безопасности можно что-то скрыть, я уйду. Даже если за дверью будет опасно.

Никита кивнул.

— Понял.

Она взялась за ручку двери, но не открыла её.

— И ещё. Если на Соляной будет Вера Лесина, говорить первой буду я.

— Договорились.

— Не соглашайтесь автоматически.

— Я согласен не потому, что ты попросила. Потому что это твоя родственница и твой выбор.

Только после этого Ася открыла дверь.

В коридоре пахло хлоркой, мокрой шерстью и старой бумагой. За окнами Североград погружался в ранний вечер, а на стекле дрожали отражения редких фонарей. Они вышли из архива вместе, но теперь между ними оставалось не прежнее доверие, а его честно обозначенная цена.

На улице уже моросило. Дождь был мелкий, почти невидимый в свете фонарей, но за минуту успевал забраться за воротник и оставить на коже холодную дорожку.

Руденко задержался у ступеней, будто не решался выбрать между машиной и дверью архива.

— Вы поедете с нами? — спросила Ася.

— Если я останусь, меня всё равно найдут.

— Это не ответ.

Он посмотрел на пакет с журналом, который она держала под мышкой.

— Поеду.

Никита открыл автомобиль. Руденко сел назад, Ася — рядом с водителем. На заднем сиденье архивист держался обеими руками за край пальто, словно боялся, что его вытряхнет на первом повороте.

Североград в этот час выглядел усталым. Витрины закрывались, на остановках люди прятали лица в шарфы, а старые фонари отражались в лужах длинными жёлтыми полосами. Никита вёл молча. Он не включил радио и не пытался заговорить, хотя несколько раз поднимал взгляд на Асино отражение в боковом стекле.

Она заметила это, но не повернулась.

— Прежде чем ехать на встречу на Соляную, четырнадцать, проверим адрес Веры, — сказала она. — Вы знаете, где она жила?

— Соляная, двадцать три, квартира семь, — ответил Руденко. — Дом угловой, с аркой. Раньше там была контора перевозчиков, потом общежитие, потом... обычный жилой дом.

— А Вера Лесина там живёт?

— Насколько я знаю.

— Насколько?

Руденко сглотнул.

— В архивной карточке указано, что проживает. Но карточка старая. После... после той процедуры я не проверял.

— Какой процедуры?

Он замолчал.

Никита крепче сжал руль.

— Сейчас лучше говорить всё, что помните, — сказал он. — Не только то, что удобно.

Руденко нервно усмехнулся.

— Удобного тут мало. Было поручение найти лист из дела Лесиных. Не изъять, не скопировать — именно найти. Мне сказали, что он может оказаться в отдельном фонде, потому что его когда-то ошибочно подшили не туда. Я поверил. Потом пришёл человек от Веры.

— Имя?

— Не знаю.

— Вы видели его лицо?

— Видел. Но сейчас... — Руденко закрыл глаза. — Лицо помню, а имя нет. Высокий, в сером пальто. На правой руке след от ожога, возле большого пальца.

— Он принёс доверенность?

— Да. С печатью.

— Печать настоящая?

— Нет, поддельная.

Ася открыла папку на коленях и достала копию доверенности.

— Вы поставили подпись на основании этой бумаги?

— Я подтвердил доступ.

— Подтвердили или подписали?

— Подписал.

— Тогда не говорите, что вас просто заставили. Вас убедили. Это разные вещи.

Руденко болезненно поморщился.

— Я знаю.

— Нет, пока не знаете. Знать — это когда человек способен назвать собственное решение, даже если его подтолкнули к нему.

В салоне стало тихо. Никита не вмешался. Ася видела, как он убрал руку с рычага коробки передач и положил ладонь на бедро, чтобы не тянуться к телефону.

На Соляную они свернули через два квартала. Дом номер двадцать три стоял в глубине двора, подперев кирпичным боком чёрный проезд. Над аркой сохранилась лепнина, почти стёртая дождями: два фонаря, между ними — закрытая дверь без ручки.

Ася подняла голову.

— Это что?

— Элемент фасада, — сказал Руденко. — Его давно хотят снять.

— Почему дверь без ручки?

— В старых домах многое делали для вида.

Никита припарковался у тротуара.

На первом этаже горело только одно окно. За занавеской двигалась тень.

— Полиция ещё не приехала, — сказал он, взглянув на телефон. — Пять минут до расчётного времени.

— Мы не входим без них, — сказала Ася.

— Согласен.

Руденко вдруг открыл дверь и вышел.

— Я могу хотя бы позвонить.

— Подождите, — остановила его Ася.

Но архивист уже пересёк двор. Он остановился перед подъездом и обернулся.

— Я знаю, где квартира.

— Мы все знаем, где квартира, — ответила она. — Сейчас важно, чтобы вы не остались там один.

Он кивнул и вернулся.

В этот момент в окне погас свет.

Никита выключил фары.

— Она нас видела.

— Или слышала машину.

— Дождь заглушает двигатель.

Ася посмотрела на арку. Нарисованная дверь теперь казалась не декоративной. На её каменном полотне проступала тонкая вертикальная черта, а возле нижнего края темнело пятно, похожее на старую копоть.

Она достала из папки письмо, которое получила утром. Бумага была сложена вчетверо, уголки уже размокли от нескольких прикосновений. Внизу стояла знакомая печать — круг с разомкнутым контуром фонаря.

Рядом с печатью кто-то когда-то поставил карандашную отметку: маленький крест и цифру семь.

Ася приложила письмо к стеклу, сравнивая знак с лепниной.

— Никита.

— Вижу.

— Нет. Посмотрите на левый фонарь.

Он наклонился.

На фасаде, под слоем извести, действительно был тот же разомкнутый контур. Только его нижняя часть уходила не в основание фонаря, а в линию двери.

Руденко придвинулся между сиденьями.

— Такого не было в описании.

— В каком описании?

— В старом инвентарном. Фасад описан подробно: окна, арка, лепные детали. Дверь не указана.

Ася почувствовала, как внутри поднимается злость — не страх, а ясное раздражение перед чужой небрежностью.

— Вы не замечали её раньше?

— Я... — Руденко осёкся. — Я, наверное, не мог.

— Почему?

Он посмотрел на письмо.

— Потому что до сегодняшнего дня не помнил, что видел это место.

С улицы донёсся звук приближающейся машины. Синий отблеск мигнул на мокрых стенах и пропал за поворотом.

— Полиция, — сказал Никита.

В ту же секунду в подъезде хлопнула дверь. В окне первого этажа снова зажёгся свет, и тень за занавеской исчезла.

Ася открыла автомобильную дверь.

— Никита, идём до входа. Руденко остаётся рядом со мной.

— Я не буду спорить.

— Это не уступка.

— Я понял.

Они вошли во двор. Под ногами хлюпала щебёнка, с водостока капала вода. У подъезда лежал старый резиновый коврик, а на нём — свежий след обуви, широкий, с глубоким косым разрезом на подошве.

Ася присела, не касаясь следа.

— Такой рисунок был у человека в архиве? — спросила она у Руденко.

Архивист побледнел.

— Да.

Никита оглянулся на арку.

— Значит, он внутри.

— Или был здесь недавно, — сказала Ася. — Не делайте вывод раньше доказательств.

Из-за двери квартиры на первом этаже раздался звон разбитого стекла.

Руденко вздрогнул.

— Это у Веры.

Ася поднялась. Полиция ещё не успела войти во двор, но ждать вслепую она больше не могла. Она достала телефон, включила запись и громко сказала:

— Меня зовут Ася Лесина. Мы находимся по адресу Соляная, двадцать три. В квартире семь возможен незаконный доступ к документам и находится человек, связанный с поддельной доверенностью. Я начинаю фиксацию обстановки до прибытия наряда.

— Ася, — тихо сказал Никита, — дверь в квартиру не заперта.

— Тогда мы не врываемся. Мы обозначаем себя и ждём ответа.

Она постучала.

— Вера Лесина? Это Ася. Я знаю о пропавшем листе и доверенности. Полиция уже едет. Если вы внутри, откройте дверь сами.

Ответа не было.

Только где-то за стеной скрипнула мебель.

Руденко вдруг схватил Асю за рукав.

— Там есть второй вход.

— Где?

— За лестницей. В старую кладовую. Я видел его... — Он закрыл глаза, напрягаясь. — Нет, не видел. Знал.

Никита посмотрел на него.

— Показывайте.

Они обошли подъезд. За лестничным пролётом действительно обнаружилась низкая металлическая дверь, почти скрытая деревянными ящиками. Замка не было, только круглая пластина, похожая на крышку от старого выключателя.

Ася провела пальцами в нескольких сантиметрах от металла и заметила выцарапанную цифру семь.

— Вот почему лист не нашли, — сказала она.

— Вы думаете, он там? — спросил Никита.

— Я думаю, что кто-то устроил запасной доступ и не внёс его в документы. Это уже достаточно, чтобы проверить.

Никита не коснулся двери.

— Проверяем вместе?

Ася взглянула на него. Вопрос был простой, но в нём не было ни приказа, ни попытки защитить её от собственного решения.

— Вместе, — сказала она. — Но открывать будем после приезда полиции.

В глубине кладовой что-то тихо упало. Затем из-за металлической двери донёлся женский голос:

— Ася? Не открывай. Он ещё здесь.

Голос Веры прозвучал глухо, словно между ними была не металлическая дверь, а несколько толстых стен. Потом раздался короткий удар — не по двери, а будто о дверь ударили кого-то.

Руденко отшатнулся.

— Вера! — крикнул он. — Вы слышите меня?

— Не кричите! — ответила она. — Он услышит, что вы снаружи.

Никита уже доставал телефон.

— Полиция будет через минуту, — сказал он, взглянув на экран. — Я вызвал ещё раз. Сказали, что машина во дворе.

— Он может уйти через эту дверь, — прошептал Руденко.

Ася посмотрела на круглую пластину. Крышка от старого выключателя — так показалось в первый миг. Но теперь, при свете телефона, на ней проступили четыре неглубокие выемки. Не царапины и не следы коррозии: одинаковые, аккуратно расположенные, они образовывали незамкнутый знак.

— Это не замок, — сказала она.

— А что?

— Место для печати.

Руденко сжал губы.

— Там раньше стояла семейная пломба. Её сняли лет двадцать назад.

— Кто?

— Я не знаю.

— Вы только что сказали, что знали о двери.

— О двери — да. О том, кто её использовал... нет.

Из-за металла донёлся скрежет. Кто-то двигал засов.

Никита встал между Асей и дверью, но не коснулся её.

— Вера, отойдите от входа.

— Не могу. Здесь тесно.

— Тогда прижмитесь к стене и не разговаривайте.

Ася резко повернула к нему голову.

— Не отдавай ей распоряжения, если она не просила.

— Я пытаюсь не дать человеку за дверью ударить её.

— А я пытаюсь понять, что происходит. Не путай помощь с контролем.

На его лице мелькнула досада, но он сразу кивнул.

— Хорошо. Вера, что вам нужно?

Несколько секунд слышалось только её дыхание.

— Чтобы вы не открывали без свидетелей. И чтобы Ася не входила одна.

— Я не собиралась, — сказала Ася.

— Ты всегдаходишь одна, когда думаешь, что успеешь раньше остальных.

Вера произнесла это почти сердито, и именно поэтому Ася узнала её голос. Страх не исчез, но перестал быть единственным чувством.

Во дворе хлопнула дверца автомобиля. Послышались быстрые шаги, мужские голоса, рация. Руденко выглянул из-за угла.

— Полиция.

В этот момент за металлической дверью что-то упало. Раздался сдавленный стон Веры, затем торопливое движение — кто-то дёрнул внутренний засов.

— Вера, отойдите! — крикнула Ася.

Она схватила Никиту за рукав и потянула его в сторону. Дверь распахнулась внутрь, ударившись о стену. Из проёма выскочил человек в тёмной куртке. Лицо закрывал шарфом, в руке он держал плоскую коробку из-под обуви.

Никита перехватил его за плечо, но тот вывернулся, толкнув его в грудь. Никита отступил, зацепился каблуком за ящик и едва не упал. Ася увидела, как коробка скользнула по бетонному полу, и бросилась не к беглецу, а к ней.

Мужчина рванулся к арке.

— Стоять! — крикнул один из полицейских.

Он не остановился. За дверью подъезда раздался грохот, затем ругань и короткая возня. Через несколько секунд полицейский вывел его обратно, заломив руку за спину. Шарф съехал с лица.

Ася узнала его не сразу. Потом вспомнила широкий след на коврикe и худую шею над воротником.

— Архивист, — сказал Руденко.

Тот молчал.

— Фамилия? — спросил полицейский.

— Сергей Воронцов.

Руденко прижал ладонь ко рту.

— Вы были в архиве в день пропажи листа.

Воронцов посмотрел на него с такой ненавистью, будто именно этот вопрос причинил боль.

— Я был там каждый день.

— А потом пришли сюда, — сказала Ася. — Через неучтённую дверь.

— Вы ничего не докажете.

— Сейчас это не моя задача.

Она подняла коробку, не открывая её.

— Зафиксируйте, — сказала она полицейскому. — Я нашла предмет на полу у скрытого выхода. Не вскрывала.

— Положите на место и отойдите.

Ася послушалась. Телефон всё ещё записывал происходящее. Она положила коробку обратно на бетонный пол, и крышка чуть сдвинулась. Внутри лежали бумаги, перевязанные бечёвкой, и маленький латунный ключ. Рядом — простой деревянный напёрсток с потемневшей вмятиной на боку.

Предмет выглядел совершенно обычным. Таким, который можно было бы найти в любой швейной коробке.

— Не трогайте, — повторил полицейский.

— Я не трогаю.

Вера вышла из кладовой, придерживая левое запястье. На коже уже проступала красная полоса. Она была бледной, волосы растрепались, на рукаве виднелась пыль.

Ася шагнула к ней, но остановилась на расстоянии вытянутой руки.

— Можно подойти?

Вера взглянула на неё и кивнула.

— Только не говори, что всё хорошо.

— Не скажу.

— И не спрашивай, почему я не позвонила тебе раньше.

— Тоже не буду.

— Врёшь.

— Да.

Вера слабо усмехнулась, но тут же поморщилась. Никита заметил это и повернулся к полицейскому.

— Ей нужна медицинская помощь.

— Нужна, — подтвердила Вера. — Но сначала заберите документы.

Она указала на коробку.

— Он пришёл за ними.

— За каким именно листом? — спросила Ася.

Вера посмотрела на задержанного Воронцова.

— За тем, которого больше нет в архиве.

— Лист был у вас?

— Нет. Он был спрятан здесь. В старом отделении стены.

Руденко сделал шаг к двери.

— Я не знал, что там есть отделение.

— Ты знал, что дверь есть, — ответила Вера. — Этого оказалось достаточно, чтобы он поверил, будто ты знаешь всё.

Воронцов впервые поднял глаза.

— Замолчите.

Полицейский сильнее надавил ему на локоть.

— Вы имеете право не отвечать. Но сейчас молчать лучше вам.

Ася всмотрелась в лицо архивиста. Он не выглядел человеком, который случайно оказался в чужой квартире. В его кармане нашли связку отмычек, а в коробке — копию доверенности, лист с номером семь и конверт, запечатанный тёмно-синей печатью.

На печати был тот же незамкнутый знак, что на металлической пластине.

— Это не печать Веры, — сказала Ася.

— Нет, — ответила Вера. — Она принадлежала нашему деду.

Никита стоял чуть в стороне, прижимая ладонь к груди. Когда Ася подошла к нему, он попытался выпрямиться.

— Тебя ударили?

— Ничего серьёзного.

— Я не спрашивала, серьёзное ли.

— Да, ударили.

— Тогда сядь.

— Ася...

— Это не приказ. Это просьба, которую ты можешь отклонить и потом объяснить врачу, почему решил геройствовать.

Он сел на перевёрнутый ящик.

Руденко всё ещё смотрел на Воронцова.

— Вы использовали меня, — сказал он. — Вы спрашивали про дверь, про Веру, про то, кто бывает в доме.

— Я ничего у вас не спрашивал.

— Спрашивали. И говорили, что если я не помогу, из-за меня пропадёт весь архив.

— Вы сами всё придумали.

— Нет, — тихо сказала Вера. — Он сказал мне то же самое.

В комнате на миг стало теснее. Ася почувствовала, как меняется расстановка сил: Воронцов больше не был единственным человеком, который знал, что произошло. Потерпевших оказалось двое — Вера и Руденко, каждый со своей ошибкой и своим страхом. Один поверил, что архиву грозит опасность, другая позволила Воронцову войти, надеясь вернуть утраченное.

Полицейский достал перчатки.

— Никто ничего не трогает. Кладовую опечатаем. Всех опросим отдельно.

Ася кивнула, но взгляд её оставался на конверте.

— Вера, ты знала, что там лежит?

— Знала только, что дед оставил письмо. И что открыть его можно было не мне.

— Кому?

Вера посмотрела на Асию.

— Тебе.

Никита поднял голову.

— Почему?

— Потому что в письме написано: «Той, кто не примет согласие за обязанность».

Ася почувствовала не страх, а раздражение. Слишком легко было бы принять эту фразу за знак, за разрешение, за семейное решение, которое заранее выбрало её вместо неё самой.

— Письмо не даёт мне права ничего вскрывать, — сказала она. — И не решает, что делать дальше.

— Я знаю.

— Тогда зачем ты рассказала мне о письме?

Вера посмотрела на свой след от верёвки.

— Потому что сегодня я поверила человеку, который говорил о безопасности. Он заставил меня открыть дверь, убеждая, что иначе пострадают другие. Я больше не хочу, чтобы кто-то решал за меня под этим предлогом.

Ася взглянула на Никиту. Он встретил её взгляд и ничего не сказал.

Полицейский аккуратно переложил конверт в прозрачный пакет. Под ним обнаружилась выцветшая квитанция с адресом старой типографии на улице Медной и датой, поставленной за три дня до исчезновения архивного листа.

— Вот это тоже пойдёт в материалы, — сказал он.

Ася записала адрес в телефон.

— Да. И копию доверенности. Оригинал нужно изъять отдельно, чтобы Воронцов не смог сказать, будто его подложили после задержания.

— Разумно, — ответил полицейский.

Вера закрыла глаза.

— Ася, я не хочу снова оставаться одна в квартире.

— Не останешься. Но решать будем без давления. Хочешь ехать в больницу — поедешь. Хочешь дать показания сейчас — дашь. Если не можешь, перенесём.

Вера медленно кивнула.

— Сейчас. Пока не передумала.

Никита поднялся, поморщившись, но удержался на ногах.

— Я отвезу Руденко домой.

— Сначала его тоже опросят, — сказала Ася.

— Тогда подожду.

— Ты можешь не ждать.

— Могу. Но останусь.

Она посмотрела на него внимательнее. В его голосе не было обещания спасти её, только спокойное решение отвечать за собственное присутствие.

Ася взяла со стола пакет с письмом и положила его в папку, которую передала полицейскому.

— Открывать будем официально, при свидетелях, — сказала она. — И только после того, как Вера даст согласие.

Вера впервые за весь вечер выпрямилась.

— Моё согласие есть.

За окном мигнули синие огни. На мокром дворе, среди ящиков и следов чужой обуви, скрытая дверь осталась распахнутой, а тайна перестала быть чужим приказом и стала делом, за которое каждому предстояло отвечать самому.

Глава 2. Правило, которого не было

В дежурной части пахло мокрой шерстью, дешёвым кофе и пылью от батарей. За стеклом сидел молодой сотрудник, перелистывал протокол и время от времени бросал взгляд на пакет с письмом, будто тот мог сам собой распечататься.

Ася стояла у стола, положив ладонь на папку. Вера сидела рядом, бледная, но уже не сжавшаяся в комок. Руденко отвели в соседнюю комнату. Никита остался у стены, держась здоровой рукой за спинку стула.

— Протокол предварительного объяснения, — сказал сотрудник. — Потом осмотр письма. Подписи свидетелей — здесь и здесь.

Он подвинул бумаги Вере.

— Читайте спокойно.

— Я прочитала, — ответила она. — В третьем абзаце написано, что я добровольно передала письмо для изучения.

— Так и было?

Вера посмотрела на Асю.

— Я согласилась после того, как вы объяснили, что будет происходить.

— Тогда нужно написать именно так, — сказала Ася. — Иначе получится, будто согласие возникло само по себе, ещё до разговора.

Сотрудник нахмурился.

— Это формулировка.

— Формулировки потом становятся основаниями.

Никита тихо усмехнулся, но Ася заметила: улыбка вышла усталой.

— Что? — спросила она.

— Ничего. Просто в Северограде сначала придумывают формулировку, а потом ищут событие, которое ей соответствует.

— Ты знаешь об этом больше, чем говоришь.

— Знаю.

Он выпрямился. Боль отозвалась в лице, однако Никита не отступил.

— До того как мы приехали сюда, я связался с Галиной Аркадьевной Мезенцевой. Она тридцать два года работала в городском хозяйственном архиве. В девяностых разбирала документы по северной линии фонарей. Она видела журнал передачи ключей от служебных помещений.

Сотрудник поднял голову.

— Где она сейчас?

— На улице Кедровой, дом восемь. Я привёз от неё письменное свидетельство.

Никита достал из внутреннего кармана сложенный вчетверо лист. Бумага была плотной, с синим штампом нотариальной конторы.

Ася не потянулась к нему сразу.

— Когда ты успел?

— Пока ты разговаривала с Верой. Позвонил человеку, который ещё не привык считать прошлое закрытым только потому, что его подшили.

— Почему не сказал мне?

— Потому что не знал, поверишь ли ты её словам.

— А сейчас знаешь?

— Сейчас знаю, что ты всё равно проверишь.

Он положил лист на стол.

Сотрудник надел перчатки, развернул свидетельство, пробежал глазами первые строки. Ася читала через его плечо. Мезенцева писала, что в октябре 1931 года ключ от помещения под северным фонарём был передан не наследнику семьи, а городскому мастеру Семёну Лесину. Передача состоялась по распоряжению комиссии, составленному после аварии на линии. Под распоряжением стояли три печати, но не было подписи человека, чьё согласие позже стали называть обязательным.

Ася задержала дыхание.

— Здесь сказано: «Правило о согласии ближайшего наследника в журнале отсутствовало», — прочитала она.

— Именно, — сказал Никита.

Вера повернулась к нему.

— А что тогда было в письме?

— Пока не знаем.

— Там написано, что дверь нельзя открывать без согласия Лесиных, — сказала Ася. — Или что-то похожее.

— «Без согласия того, кто носит фамильный знак», — уточнил Никита. — Но это не одно и то же.

Ася резко взглянула на него.

— Ты видел письмо раньше?

— Только копию.

— Чью?

Никита не ответил сразу. За стеклом зазвонил телефон. Сотрудник взял трубку, отвернулся, оставив их в тесном прямоугольнике света.

— Моего отца, — сказал Никита. — Он получил копию несколько лет назад.

Имя повисло между ними тяжелее, чем ожидалось.

— И ты всё это время молчал?

— Я не знал, что копия связана с этой дверью.

— Но знал о семейном правиле.

— Знал, что в нашей семье его так называли.

— А что оно означало?

Никита провёл пальцами по краю стола.

— Что если один из Северных свидетелей отказывается, договор считается нарушенным. Так говорили дома. Я думал, речь о старом обязательстве: хранить записи, не передавать печати посторонним, не использовать фамильные знаки ради выгоды.

— «Один из свидетелей» — это человек или наследник?

— Не знаю.

— Ты опять говоришь «не знаю», когда на самом деле боишься сказать другое.

Он встретил её взгляд.

— Я боялся, что правило применяют ко мне.

Сотрудник положил трубку и вернулся к столу.

— Вы родственники?

— Нет, — одновременно ответили Ася и Никита.

Вера впервые за всё время едва заметно улыбнулась.

— Это видно.

Ася не отреагировала. Она смотрела на нотариальное свидетельство.

— Галина Аркадьевна может приехать?

— Не может, — сказал Никита. — После операции почти не выходит из дома. Но готова принять сотрудника и подтвердить показания лично.

— Тогда едем к ней, — решила Ася.

Сотрудник покачал головой.

— Сейчас ночь.

— Сейчас ночь, а завтра это свидетельство может оказаться недостаточным, если кто-то решит, что оно получено под давлением.

Никита сжал челюсть.

— Она сама его составила.

— Это не защищает её от обвинения в заинтересованности. Особенно если выяснится, что она работала с документами Лесиных.

Ася перелистнула протокол.

— Вопрос не только в Мезенцевой. В её свидетельстве есть дата передачи ключа, номер распоряжения и фамилия мастера. Если номер существует, это уже проверяемый след. Но сначала нужно зафиксировать, что письмо осматривается по согласию Веры, а не потому, что кто-то считает её фамилию разрешением на всё.

Она взяла ручку и внесла правку в протокол.

Сотрудник прочитал, вздохнул, но возражать не стал.

Когда Вера подписала бумаги, Ася вскрыла пакет. Внутри лежало письмо, тонкое, желтоватое, и маленький металлический предмет, похожий на обычную пуговицу от старого пальто. На его краю темнела засохшая грязь.

Никита наклонился ближе.

— Это не пуговица.

— Откуда знаешь?

— У нас такие использовали вместо бирки на связках ключей.

Ася перевернула предмет. На обратной стороне проступил знак: две пересекающиеся линии и крошечная выемка, будто кто-то пытался поддеть металл ножом.

Вера резко вдохнула.

— Я видела его у Руденко.

Сотрудник немедленно записал слова.

— Где именно?

— На цепочке. Он спрятал под рубашкой, когда мы вошли в подвал.

Никита посмотрел на Асю, и в его лице впервые появилась не усталость, а настоящий страх.

— Тогда он пришёл не просто за письмом, — сказал он. — Ему нужен был тот, кто сможет предъявить знак.

Ася закрыла пакет и прижала его к столу.

— Значит, согласие Веры пытались получить не для безопасности.

— А для открытия двери, — закончила Вера.

За окном дождь усилился. Вода стекала по стеклу длинными полосами, размывая огни двора.

Никита достал телефон.

— Я позвоню Мезенцевой и предупрежу, чтобы она никому не открывала.

— Нет, — сказала Ася. — Сначала покажи мне номер, по которому связывался с ней.

Он замер.

— Думаешь, за ней уже следят?

— Думаю, человек, который скрывал от меня копию письма, должен хотя бы раз доказать, что умеет не скрывать остальное.

Никита медленно протянул телефон. На экране был один пропущенный вызов с неизвестного номера, поступивший десять минут назад.

Под ним стояло короткое сообщение: «Свидетель уже дал показания».

Никита не сразу убрал телефон.

— Это сообщение пришло на мой номер, — сказал он. — Не на телефон Веры и не на служебный. Значит, отправитель знает, что я здесь.

— Или знает, что номер связан с Мезенцевой, — возразила Ася. — Покажи историю звонков.

Он разблокировал экран и протянул ей телефон. Пропущенный вызов действительно стоял первым. Номер был скрыт, но время — двадцать три семнадцать. Сообщение пришло через минуту.

Ася перечитала его дважды.

— «Свидетель уже дал показания». Не «подписал», не «согласился на опрос». Именно «дал». Так пишут те, кто считает показания своей собственностью.

— Руденко?

— Не знаю.

— Но ты уже решила, что это угроза.

— Я решила, что отвечать нельзя.

Сотрудник полиции, сидевший напротив Веры, протянул руку.

— Телефон я заберу для приобщения.

Никита не отдал его сразу.

— Если вы сейчас унесёте его, мы потеряем возможность проверить, откуда пришло сообщение. Я могу показать переписку, но телефон останется у меня до оформления изъятия.

— Вы не в том положении, чтобы ставить условия.

— Я не ставлю, — спокойно сказал Никита. — Я прошу зафиксировать каждое действие. В прошлый раз Руденко тоже действовал через чужие руки, а потом все сделали вид, что не заметили.

Ася увидела, как у полицейского напряглись пальцы на краю стола. Он мог бы снова напомнить им о порядке, но вместо этого достал чистый лист и записал время.

— Оставляете телефон у себя. Приедете утром для копирования данных.

— Я готов к копированию сейчас, — сказал Никита.

— Вы пока остаётесь в отделении вместе с Руденко.

— Тем более.

Вера сидела у окна, завернувшись в старое шерстяное покрывало. После слов о цепочке она почти не говорила, но теперь подняла взгляд.

— Там была ещё одна вещь, — произнесла она. — На цепочке.

Ася повернулась к ней.

— Какая?

— Бумажная полоска. Сложенная вчетверо. Руденко достал её перед тем, как спрятал знак. Я не прочитала всё. Там было написано: «Предъявитель не является владельцем».

Никита резко выпрямился.

— Ты уверена?

— В первых словах — да. Остальное закрыла его рука.

Он провёл ладонью по лицу. Потом расстегнул куртку и достал из внутреннего кармана плоский конверт.

— Я должен был показать это раньше.

Ася не взяла конверт.

— Что там?

— Свидетельство Ильи Кравцова. Бывшего мастера Североградской фонарной службы. Он видел передачу ключа в девяносто первом году. И видел, кому его передали.

— Почему ты молчал?

— Потому что Кравцов отказался идти в полицию. Он подписал показания только для меня.

— Значит, это не свидетельство, а бумага, которую ты получил лично.

— Я не говорил, что она заменяет официальный допрос.

— Но использовал её как доказательство, когда скрывал от меня.

Никита выдержал её взгляд.

— Да.

В комнате на несколько секунд остался только шум дождя. Вера смотрела то на него, то на конверт, будто пыталась понять, не станет ли ещё одна правда причиной нового несчастья.

Сотрудник полиции протянул руку.

— Теперь отдайте.

Никита передал конверт. Внутри оказались три листа, исписанные неровным почерком, и копия старой ведомости. На первой странице стояла дата: 18 октября 1991 года. На второй — подпись Кравцова и адрес: улица Кленовая, дом 7.

Ася наклонилась над листами, не касаясь бумаги.

— Здесь сказано, что ключ от северной линии передали не владельцу дома, а «лицу, предъявившему семейную печать и согласие хранителя».

— Вот почему им нужна Вера, — сказал Никита.

— Нет. Пока это объясняет только интерес к ней. Но в ведомости должен быть указан хранитель.

Она взяла копию и поставила рядом с письмом Мезенцевой. Чернила на обоих документах были разными, но формулировка совпадала: «согласие хранителя». В письме стояло имя Веры. В ведомости имя было выскоблено, а поверх него позднее вписали: «по распоряжению Лесина».

Ася почувствовала, как холодеют пальцы.

— Это не моя семья, — сказала она.

Никита посмотрел на неё.

— Фамилия Лесин встречается в старых документах городской службы.

— Фамилия может встречаться где угодно. Это не означает родства и не означает, что я хранитель.

— Я знаю.

— Нет, не знаешь. Ты принёс сюда бумагу, где мою фамилию уже использовали как разрешение, а потом решил, что достаточно промолчать.

Он опустил взгляд.

— Я боялся, что ты откажешься.

— От чего?

— От проверки.

— И поэтому собирался решить за меня?

Никита не ответил. Вера тихо сказала:

— Так начиналось и у Руденко. Он всё время говорил, что я не выдержу правды.

Эта фраза разом изменила выражение его лица.

— Кравцов живёт на Кленовой, — сказал он. — Мы можем поехать к нему сейчас.

— Нет, — отрезала Ася. — Сначала официально зафиксируем его адрес и показания. Если он согласится на разговор, пусть это будет при сотруднике.

Полицейский перевернул последний лист.

— Здесь есть номер телефона.

— Набирать не будем, — сказала Ася. — Если за Кравцовым наблюдают, звонок предупредит не того человека.

Сотрудник недовольно поджал губы, но записал распоряжение. Затем поднялся.

— Я оформлю изъятие письма и предмета. Веру повезём на повторный опрос, если она согласна.

— Я согласна, — сказала Вера. — Но сначала хочу, чтобы в протокол внесли: я не передаю право решать за меня ни Лесиной, ни Северину, ни полиции.

Ася кивнула.

— Именно так и внесём.

Никита посмотрел на неё, но ничего не сказал.

Через десять минут бумаги были подписаны. Металлический предмет лег в прозрачный пакет, письмо — в другой. На каждом пакете появилась печать отдела, дата и подпись сотрудника. Простая процедура вдруг стала единственной надёжной границей между фактом и чужой версией.

У выхода Никита остановился.

— Кравцов может не открыть.

— Тогда будем оформлять отказ, искать его через службу и проверять ведомость по архиву.

— Ты всё равно поедешь?

Ася застегнула пальто.

— Я поеду не потому, что доверяю тебе.

— Я понял.

— И не потому, что считаю себя хранителем.

— Это я тоже понял.

Она задержала на нём взгляд.

— Я поеду, потому что в документе использовали мою фамилию. А человек, который прислал тебе сообщение, уже знает, что мы её нашли.

На улице дождь бил по козырьку отделения, мелко и зло. У служебной машины Руденко посадили на заднее сиденье, а Вера села рядом с Асей. Никита остался у другой двери, держа в руке копию свидетельства Кравцова.

Когда машина тронулась, его телефон снова завибрировал.

На этот раз сообщение было длиннее:

«Не приводите Лесину на Кленовую. В девяносто первом хранитель подписал не только ведомость».

Никита поднял глаза и увидел, что Ася смотрит на него через мокрое стекло. Он не стал прятать экран и молча показал ей текст.

Ася прочитала, затем отвернулась к темнеющей улице.

— Едем к Кравцову, — сказала она. — Но теперь выясним не только, кто использовал мою фамилию, а что именно за неё заплатили.

Машина свернула с проспекта на Кленовую, и город сразу стал тише. Здесь дождь не стекал по широким витринам, а цеплялся за низкие балконы, за провода, за голые ветви рябин. Дом Кравцова оказался трёхэтажным, с облупившейся зелёной дверью и жестяным козырьком, под которым вода барабанила особенно громко.

Полицейский заглушил двигатель и посмотрел на Веру.

— Вы останетесь в машине?

— Нет.

— Это не приказ, — уточнила Ася.

— Я знаю, — ответила Вера. — Но если Кравцов видел то, что связано с письмом, я хочу его слышать.

Руденко попытался открыть дверь, однако полицейский остановил его рукой.

— Вы тоже пока останетесь. Если понадобится, вызовем.

Руденко выругался сквозь зубы, но спорить не стал. Вера вышла первой, придерживая пальто у горла. Ася двинулась следом. Никита уже стоял у подъезда, промокший по плечам, хотя, судя по всему, приехал на несколько минут раньше.

— Ты мог подождать в машине, — сказала она.

— Мог.

— Но не стал.

— Ты тоже.

— У меня есть причина.

Никита поднял копию свидетельства.

— У меня тоже.

Полицейский бросил на них короткий взгляд и нажал кнопку домофона. Несколько секунд в трубке шипело, потом старческий голос спросил:

— Кто?

— Участковый отдел. По поводу вашей прошлогодней жалобы и событий девяносто первого года. С нами Вера Орлова.

На другом конце повисла пауза.

— Я никого не вызывал.

— Мы знаем.

Замок щёлкнул.

В подъезде пахло влажной штукатуркой и кошачьим кормом. На первом этаже перегорела лампа, и полицейский включил фонарь телефона. Узкая лестница вывела их на третий этаж. Дверь квартиры Кравцова была обита коричневым дерматином; рядом с глазком темнело свежее пятно, будто по нему провели мокрым пальцем.

Старик открыл не сразу. Он был высоким, сутулым, в шерстяной кофте поверх рубахи. На левом запястье виднелась полоска белого шрама.

Увидев Веру, Кравцов отступил.

— Я просил не приезжать.

— Она не приезжала к вам одна, — сказал полицейский. — Мы пришли официально.

Кравцов посмотрел на удостоверение, потом на Никиту.

— А Северин зачем?

— Потому что у него есть документ, который касается вашего имени, — ответила Ася.

Старик долго не двигался. В глубине квартиры тикали часы, слишком громко для такой маленькой прихожей.

— Заходите. Но стоять будете в комнате. На кухне у меня бардак.

— Мы не проверять порядок пришли, — сказала Ася.

— Это вы зря. Иногда по бардаку больше правды видно, чем по бумагам.

Комната оказалась заставлена шкафами. На стене висели старые фотографии: мальчик в школьной форме, женщина с усталым лицом, сам Кравцов в рабочей куртке рядом с грузовой машиной. На подоконнике лежали ключи, катушка изолянт и металлическая линейка с засохшими каплями краски.

Кравцов сел, но гостям не предложил. Полицейский достал блокнот.

— Гражданин Кравцов, вы согласны дать объяснение в присутствии свидетелей?

— В присутствии тех, кто умеет слушать, — буркнул старик.

— Решать будете вы, — сказала Ася. — Можно отказаться.

— Знаю. В девяносто первом тоже думал, что знаю.

Никита убрал копию свидетельства, достал другой лист и положил его на край стола.

— Это выписка из журнала аварийной службы. Семнадцатого ноября девяносто первого года вы дежурили на Северной линии и выезжали к фонарю номер сорок два.

Кравцов взял лист, поднёс к лампе.

— Копия плохая.

— Оригинал в архиве службы. Я получил заверенную копию сегодня утром.

— Ты получил? Или попросил получить за тебя?

— Получил сам.

— Вот это уже лучше.

Ася заметила, как Кравцов погладил большой палец правой рукой. Движение повторялось, когда он нервничал.

— В ведомости указано, что вы закрыли доступ к техническому проходу девятнадцатого ноября, — сказала она. — Но в журнале аварийной службы стоит семнадцатое число.

— В ведомости стоит не то, что было.

— Кто исправил дату?

— Не знаю.

— Вы подписывали ведомость?

— Да.

— Тогда почему не заметили?

Кравцов усмехнулся без веселья.

— Потому что мне показали только последнюю страницу. Сказали: подпиши, что фонарь проверен и проход закрыт. Я подписал. Потом увидел, что листов было больше.

Никита нахмурился.

— Сколько?

— Три. На первом — список оборудования. На втором — условие. На третьем — подпись хранителя.

Вера резко вдохнула.

— Какое условие?

Кравцов посмотрел на неё.

— Что доступ к двери может быть открыт только с согласия того, чьё имя внесено в семейный реестр.

— Моё имя? — спросила Вера.

— Тогда — нет. Твоей матери.

В комнате стало тесно. Дождь за окном усилился, вода побежала по стеклу косыми полосами.

— Вы видели этот реестр? — спросила Ася.

— Видел.

— Где он?

— У человека, который принёс бумаги.

— Кто это был?

Кравцов снова опустил глаза на копию.

— Не помню лица.

— Но помните должность?

— Он не называл должность.

— Тогда что помните?

Старик медленно поднялся и подошёл к шкафу. Долго перебирал ключи, пока не нашёл маленький плоский. Из нижнего ящика достал жестяную коробку из-под печенья. Крышка была покрыта ржавыми точками.

— Лицо не помню, — сказал он. — А голос помню. Говорил тихо, будто рядом спал больной. И всё время повторял: «Правило уже есть. Вам только нужно его подтвердить».

Он поставил коробку на стол и открыл.

Внутри лежали квитанции, обрывок синей ленты, три фотографии и сложенный вчетверо листок. Кравцов протянул его полицейскому.

— Это я забрал после подписи. Не знал зачем. Наверное, совесть была тяжелее страха.

Листок оказался страницей из блокнота, исписанной карандашом. Вверху стояла дата: 17.11.91. Ниже — несколько фамилий и фраза: «Северная линия, дверь открыта до получения согласия Лесиной».

Ася прочитала строку дважды.

— Здесь указана моя фамилия.

— Поэтому я и не хотел, чтобы вы приезжали, — сказал Кравцов. — Когда увидел вас у двери в тот вечер, сразу понял, что они снова начали.

— Вы видели меня? — Ася не сразу поняла смысл слов. — В девяносто первом?

— Не вас. Вашу бабушку. Она пришла после восьми, одна. Спросила, кто дал право вписывать её фамилию в чужой договор. Ей ответили, что право уже принято раньше.

Никита подался вперёд.

— Кто ответил?

— Хранитель.

— Имя?

Кравцов поднял голову.

— Ваша семья тогда тоже была рядом.

Никита побледнел, но голос сохранил ровным:

— Кто именно?

— Ваш отец.

Молчание длилось недолго, но Асе показалось, что за это время успели остановиться часы, дождь и дыхание всех присутствующих.

— Вы уверены? — спросила она.

— Настолько, насколько можно быть уверенным в человеке, которому не хотел бы открывать дверь.

— Он подписывал документы?

— Нет. Он принёс их. А подписал другой.

Кравцов достал из коробки фотографию. На ней, среди мокрых ящиков и разобранного фонаря, стояли двое мужчин. Один был молодым Кравцовым. Второй смотрел в сторону, но профиль угадывался ясно.

Никита взял снимок и замер.

— Это мой отец.

— Да.

— Почему вы не сказали полиции тогда?

Кравцов горько усмехнулся.

— Потому что наутро у меня пропал сын.

Вера прикрыла рот ладонью. Полицейский перестал писать.

— Пропал? — переспросила Ася.

— Ушёл из школы и не вернулся до ночи. Нашли его у вокзала. Сказал, что к нему подошёл незнакомый мужчина и велел передать: если отец заговорит, следующей исчезнет мать.

— Вы подавали заявление?

— Подавал. Заявление приняли, потом вернули. Написали: «Семейный конфликт, оснований для розыска нет».

Кравцов положил фотографию перед Никитой.

— Вот цена той подписи. Не магия, не проклятие. Люди. Они нашли простой способ заставить остальных считать угрозой правилом.

Ася посмотрела на листок, на фотографию, на копию служебного журнала. Даты наконец совпали: семнадцатого ноября дверь была открыта, а девятнадцатого запись закрыли задним числом. Но в документах оставалась подпись хранителя — и теперь она была связана не только с чужой фамилией.

— Вы согласны передать это официально? — спросил полицейский.

Кравцов кивнул.

— Да. Но только если в протоколе запишете: я не подтверждал никакого согласия за Лесину. Я подписал ведомость под обманом.

— Запишем дословно.

— И ещё, — Кравцов посмотрел на Ася. — Ваша бабушка не подписала тот лист. Она разорвала его.

Ася почувствовала, как Никита повернул голову к ней.

— Тогда чья подпись стоит под условием?

Кравцов ответил не сразу.

— Северина. Отца Никиты. Я неверно сказал, что он только принёс документы. Условие он подписал сам.

Полицейский раскрыл чистую страницу протокола. Никита всё ещё держал фотографию, но теперь смотрел не на отца, а на Асю.

Она не отвела взгляда.

— Мы забираем копию, — сказала Ася. — Оригинал останется у вас до оформления изъятия.

— Забирайте, — ответил Кравцов. — Только теперь вы понимаете: если подпись найдут, искать придётся не среди мёртвых документов.

Впервые за весь вечер Никита выглядел не человеком, который ведёт их к ответу, а тем, кого этот ответ настиг.

Никита положил фотографию на стол так осторожно, словно бумага могла оставить на пальцах след.

— Вы знали, что он приходил к вам? — спросила Ася.

— Нет. — Он помолчал. — До этой минуты.

Кравцов отвёл взгляд. Полицейский продолжал писать, не поднимая головы. Вера сидела у стены, обхватив себя руками, и смотрела на раскрытую коробку. В комнате пахло мокрой одеждой, пылью и крепким чаем, который давно остыл.

— Я не спрашиваю, знали ли вы о подписи, — сказала Ася. — Я спрашиваю, почему отец Никиты пришёл к вам с документами.

— Потому что ему нужно было, чтобы кто-то подтвердил открытие двери. Не подпись — присутствие. Там была путаница с ключами, ящики не сходились, а старый фонарь числился снятым. Он убеждал, что всё можно уладить бумагой. — Кравцов провёл ладонью по лицу. — Я тогда не знал, что бумага уже была составлена.

Никита медленно выдохнул.

— Значит, отец принёс готовое условие, а вы видели только ведомость?

— Я должен поправить свои слова: я подписал не подтверждение проверки фонаря и закрытия прохода. Я видел лист с таблицей. Номера, даты, фамилии. Подписал, что принял коробку с документами, а не что согласен за кого-то отвечать. Они потом приложили мою подпись к другому листу.

— Кто именно? — повторила Ася.

Кравцов посмотрел на полицейского.

— Вы ведь записываете?

— Записываю.

— Тогда запишите: я не видел, кто подделал приложение. И не стану угадывать. Но человек, который принёс папку, был не один. У ворот его ждал мужчина в сером пальто. Лица я не разглядел, зато запомнил перчатки. На правой руке не хватало двух пальцев.

Полицейский поднял глаза.

— Вы говорили об этом раньше?

— Нет.

— Почему?

— Потому что в ту ночь я думал о сыне. А потом мне объяснили, что если начну вспоминать вслух, он снова окажется у вокзала. — Кравцов посмотрел на фотографию. — Я не прошу считать это доказательством. Я говорю, что готов дать показания.

— Этого достаточно, чтобы записать, — ответил полицейский. — Остальное проверим.

Он спросил Кравцова о времени, погоде, расстоянии до ворот и о том, сколько длилась встреча. Ася слушала и отмечала про себя детали, которые могли выдержать проверку, и те, что оставались только памятью. Кравцов не пытался сделать рассказ гладким. Он запинаясь, поправлял себя, отказывался называть точный час, которого не помнил.

Когда полицейский закончил, Ася придвинула к себе копию журнала.

— Семнадцатого дверь открыли. Девятнадцатого запись закрыли задним числом. Вашу ведомость могли использовать как подтверждение, что коробку передали, но не как согласие на условие. Это совпадает с тем, что вы сейчас сказали?

— Да.

— И вы видели у ворот мужчину в сером пальто?

— Видел.

— Не знаю, зачем он там был и что именно делал?

— Именно.

Она кивнула и поставила рядом с датами короткую пометку. Две записи, две разные подписи, один промежуток в сорок восемь часов. Не разгадка — но уже не чужое предание, которое нельзя было оспорить.

— Никита, — сказала она, не отрываясь от бумаг. — Ты хотел что-то предъявить.

Он достал из внутреннего кармана сложенный лист в прозрачном файле. Не старую семейную бумагу и не очередную копию: бланк с печатью мастерской городского трамвайного депо. Никита положил его перед полицейским.

— Я нашёл это сегодня в архиве отца. Не у него дома — в шкафу с расчётами. Там лежали счета за ремонт фонарей и график дежурств. К этой ведомости прилагалась записка техника. Он составил её в тот же вечер.

Полицейский надел перчатки и развернул лист.

Текст был коротким, написанным неровным почерком: «Северин старший прибыл после закрытия линии. Попросил не отмечать повторный проход у северных ворот. На вопрос о ключе ответил, что хранитель уже дал согласие. Ключ вернул не мне». Ниже стояли дата — семнадцатое ноября — и подпись: «М. Дорохов».

Ася перечитала записку. Она не устанавливала, кто изготовил условие. Не доказывала угрозу Кравцову. Зато подтверждала, что отец Никиты распоряжался проходом и ссылался на согласие, которого, по словам Кравцова, тот не давал.

— Где оригинал? — спросила она.

— У меня.

— Почему ты не принёс его сразу?

Никита не отвёл глаз.

— Потому что не знал, выдержит ли он проверку. И потому что на нём фамилия отца. Я хотел сначала понять, не подменяю ли доказательство тем, чего боюсь.

— Ты решил это за всех нас.

— Да.

— И решил, что можешь сам определить, когда мне будет безопасно знать?

— Да.

В его голосе не было оправдания, и от этого Асе стало труднее сердиться. Она всё же не отвела взгляда.

— Это не забота, Никита. Не распоряжайся моим согласием, даже если думаешь, что защищаешь меня.

— Понимаю.

— Нет. Пока только слышишь. Понимать придётся поступками.

Он кивнул. Полицейский вложил записку в отдельный пакет и попросил Никиту назвать, где и когда тот обнаружил документ. Тот ответил, добавив, что готов показать шкаф и передать оригинал официально. Его независимое свидетельство не закрывало дело, но меняло его: теперь за словами Кравцова стояла запись, сделанная в день открытия двери человеком, не связанным с семьёй Лесиных.

Когда протокол закончили, Вера поднялась.

— Я домой не поеду одна, — сказала она. — Но и в участок на ночь не останусь.

— Можно вызвать машину и попросить сотрудницу сопроводить вас, — предложила Ася.
— Или поехать к кому-то, кому вы доверяете. Выбирайте сами.

Вера посмотрела на Кравцова.

— Я поеду к сестре. Позвоню ей отсюда.

Ася передала ей телефон и отступила, оставив место для разговора. Вера набрала номер, назвала адрес, не стала объяснять больше, чем хотела, и впервые за вечер произнесла «я решила» без дрожи в голосе.

Кравцов попросил копию протокола, прежде чем подписывать. Полицейский разрешил перечитать запись. Старик исправил одно слово — «угрожал» заменил на «передал угрозу» — и только после этого поставил подпись. Он не выглядел спокойнее, но теперь его воспоминание было зафиксировано не как семейная жалоба, а как показание, которое предстояло проверить.

У выхода Никита задержался у двери.

— Я могу отвезти тебя домой, — сказал он.

— Можешь. Но сначала отнесёшь оригинал записки полицейскому и подпишешь, откуда он у тебя.

— Хорошо.

— А потом я решу, нужна ли мне твоя помощь.

Он не стал просить прощения ещё раз и не попытался коснуться её плеча. Только кивнул и повернулся обратно к столу.

Ася осталась у порога, пока полицейский принимал у него лист. За окном дождь всё ещё шёл, но в стекле отражались уже не только фонари: светилась и белая лампа комнаты, где чужие слова наконец получали даты, подписи и имена.

У двери участка Никита остановился, не выходя под дождь.

— Я покажу шкаф, — сказал он.

— Покажешь полицейскому, — поправила Ася. — Не мне.

Он принял это без возражений. Полицейский убрал записку в папку, попросил Никиту явиться утром и записал номер телефона. Ася дождалась, пока Вера уедет с сестрой, потом вышла на крыльцо.

Дождь стал мельче, но холоднее. У ступеней блестела лужа, и в ней дрожал фонарь напротив участка.

— Ты всё ещё хочешь идти со мной? — спросил Никита.

— Нет. Я хочу домой одна.

Он чуть заметно кивнул.

— Тогда я не пойду.

Она уже спустилась на ступеньку, когда он добавил:

— Завтра я покажу шкаф. Если ты захочешь присутствовать.

Ася обернулась.

— Завтра сначала сверим даты. Потом решим, куда идти.

— Хорошо.

Она ушла, не оглядываясь. На углу пришлось остановиться, чтобы пропустить машину. За мокрым стеклом пассажирского окна мелькнуло лицо Никиты — он всё ещё стоял у входа. Ася отвернулась прежде, чем автомобиль тронулся.

Утром в архиве было тихо. Ночью дождь вымыл улицы, но небо оставалось низким, словно город прикрыли серой крышкой. Ася пришла раньше сотрудников и разложила на столе копии протоколов, старую выписку из реестра и фотографию записки, которую сделали в участке. Она не пыталась угадать, что Никита найдёт в своём шкафу. Сначала — числа. Потом выводы.

В записи Кравцова значилось: дверь открыли семнадцатого ноября 1931 года. Семья Лесиных присутствовала, но согласия на передачу ключа не давала. Записка, по словам Никиты, была составлена в тот же день. Однако на фотографии расплывшаяся последняя цифра походила то на единицу, то на семёрку.

Ася провела линейкой под строкой, где стояла дата.

— Если это 1937-й, — сказала она вошедшей Вере, — записка не подтверждает слова Кравцова о дне открытия.

Вера сняла пальто и повесила его на спинку стула.

— А если тридцать первый?

— Тогда подтверждает. Но одна цифра не делает её доказательством. Надо понять, чья рука, где хранилась бумага и почему Никита её обнаружил только сейчас.

Вера посмотрела на фотографию.

— Он сам вчера сказал, что нашёл её в шкафу отца?

— Да. И сказал, что готов показать.

— Пойдём?

— Если ты хочешь. Но ты не обязана.

Вера задумалась, потом села напротив.

— Я хочу знать, кто решил, что за меня можно что-то обещать. Не хочу только снова оказаться в комнате, где все говорят, будто это ради моего же блага.

— Тогда будем говорить только о том, что можно проверить.

В архив позвонил полицейский. Никита уже приехал и ждал внизу. Ася закрыла папку, но не забрала её с собой: оригиналы документов должны были оставаться на месте. Она спустилась одна. Вера решила дождаться, пока ей позвонит сестра, и не стала торопиться с выбором.

Никита держал под мышкой плоскую коробку. Лицо у него было усталым, подбородок небритый.

— Полицейский едет с нами, — сказал он. — Я не буду ничего открывать без него.

— Хорошо.

У шкафчика в старой мастерской пахло пылью и холодным деревом. Никита отпер дверь и отошёл в сторону, предоставляя полицейскому осмотреть помещение. Шкаф стоял у стены, за стопкой ведомостей. На верхней полке лежали папки отца Никиты, перевязанные бечёвкой. Коробка, которую он принёс, оказалась не хранилищем записки, а футляром для печатей: внутри, на выцветшем бархате, сохранились две металлические матрицы и деревянная ручка с трещиной.

— Записка была за задней стенкой, — объяснил Никита. — Я заметил щель, когда перебирал бумаги. Не трогал её голыми руками. Сразу положил в конверт.

— Почему не сказал, что нашёл вместе с печатями? — спросила Ася.

— Я не знал, имеет ли футляр отношение к бумаге. Он всегда стоял на полке. Для меня это была просто вещь отца.

Полицейский надел перчатки и выдвинул ящик. За ним действительно обнаружилась тонкая дощечка, закреплённая двумя гвоздями. Сняли её не сразу: сначала сделали фотографии, потом записали порядок действий. За дощечкой пусто. Ни второго письма, ни ключа.

Записка уже лежала в пакете. Полицейский сверил её с новым местом находки и отдельно осмотрел футляр. На внутренней стороне крышки обнаружилась бледная печать, почти стёртая временем: круг с тремя короткими лучами. Такой же знак Ася видела на копии городского договора о фонарях. Она не сказала этого вслух, пока не попросила полицейского сделать снимок.

— Даты можно сравнить в реестре печатей, — сказала она. — Там фиксировали выдачу и возврат матриц.

— А если их не возвращали? — спросил Никита.

— Тогда это тоже будет запись. Отсутствие отметки — не разрешение додумать причину.

Он опустил глаза на треснувшую ручку.

— Отец говорил, что это старьё, которое никому не нужно.

— Может быть, так и думал.

Никита резко поднял голову, будто ожидал от неё обвинения или утешения и не получил ни того ни другого.

— Я боялся, что его имя окажется в деле.

— Оно и так там есть. Но имя — не доказательство вины. И не право скрывать документ.

Полицейский попросил Никиту подписать описание шкафа и коробки. Тот прочёл лист целиком, уточнил формулировку о том, что помещение принадлежало его отцу, и поставил подпись. Потом передал футляр для изъятия, хотя пальцы задержались на крышке.

Ася заметила это, но не предложила забрать руку и не стала говорить, что всё будет хорошо. Он сам отпустил дерево.

В архив они вернулись к полудню. Вера уже была там и сидела у окна с чашкой нетронутого чая. Сестра забрала её вещи, но Вера попросила привезти её обратно: теперь ей хотелось быть рядом, когда будут сверять даты.

В реестре нашлась запись о печатях. Матрицы выдали для оформления договора четырнадцатого октября 1931 года и вернули через два дня. Подписей семьи Лесиных в графе согласия не было; стояла отметка о присутствии свидетеля, городского смотрителя Андрея Маркова. На полях другим почерком добавили: «Ключ передан старшему по линии, временно». Ни срока, ни подписи получателя.

Ася развернула увеличенную фотографию записки. При дневном свете последняя цифра читалась увереннее: единица, написанная с длинным косым верхом. Дата совпадала.

— Значит, Кравцов не ошибся, — тихо сказала Вера.

— В этой части, — ответила Ася. — Запись подтверждает передачу ключа и отсутствие согласия. Но не доказывает, кто добавил слово «временно» и что именно считалось временным.

— А Марков?

Ася проверила адрес в старом справочнике. Имя совпадало, но адрес был давно изменён. Внизу страницы карандашом значилась приписка: «После службы жил у дочери, улица Мельничная, дом восемь». Вера придвинула к себе справочник.

— Там ещё живут, — сказала она. — Я знаю эту улицу. Могу спросить, но только если он сам захочет говорить.

— Именно так, — сказала Ася.

Никита стоял у другого конца стола, не вмешиваясь. Когда Ася закрыла справочник, он спросил:

— Ты поедешь?

— Да. С полицейским. Вера решит сама.

— А я?

— Тебя могут вызвать отдельно, если свидетель захочет сверить записку. Не потому, что ты должен быть рядом со мной.

Он кивнул. Между ними оставалось меньше двух шагов, но впервые за долгое время Ася не ощущала, что обязана заполнить это расстояние словами.

На улице Вера застегнула пальто и сама выбрала, кому позвонить первой. Ася дождалась ответа, услышала короткий обмен именами, потом Вера убрала телефон в карман.

— Он согласен встретиться, — сказала она. — Завтра. Но только с дочерью и полицейским.

— Хорошо, — ответила Ася.

Никита отошёл к двери, освобождая им проход. Ася увидела, как он собирается что-то сказать, но он остановился и пропустил Веру вперёд.

— До завтра, — произнёс он.

Это не было прощанием. Пока — только точной датой следующего разговора. Ася вышла вслед за Верой, и дверь архива закрылась за ними без щелчка замка.

Глава 3. Цена первой ошибки

Утром Ася пришла в управление раньше обычного. В архивном коридоре ещё пахло ночной уборкой: мокрой тряпкой, мылом и холодным камнем. Она сняла пальто, повесила его на крючок и достала из сумки копии протокола, выписки из старого реестра и листок с адресом, который Вера записала накануне.

Встреча с человеком из письма была назначена на десять. До неё оставалось чуть больше часа, но Ася не хотела ехать, опираясь на одну лишь надежду, что старик объяснит им всё сам.

Она раскрыла серую папку на столе.

Вчерашняя история выглядела почти стройной. Кто-то спрятал письмо за панелью в доме на Северной линии. Руденко нашёл его, испугался и решил уберечь Веру от содержания. Потом появился в подвале с чужими ключами, а за ним — человек, который не собирался разговаривать. В этой версии оставалось много дыр, но Ася уже знала, как легко дыра начинает казаться дверью, если очень хочется через неё пройти.

На полях протокола она обвела фамилию Руденко. Потом зачеркнула круг.

Не вывод. Пока только имя.

Кто-то постучал в открытую дверь.

Никита держал в руках два бумажных стакана. Один он поставил у края стола, не подвигая к ней.

— Чёрный. Без сахара.

— Ты помнишь.

— Помню, — сказал он и сел напротив. — Это ещё не значит, что я знаю, чего тебе сейчас нужно.

Ася подняла глаза. На правой руке у него виднелась свежая повязка, под воротником темнел синяк. Вчера он настоял, что дожждётся опроса, хотя никто не требовал от него оставаться. Она не поблагодарила его тогда и не собиралась делать вид, будто теперь это что-то изменило.

— Я не хочу, чтобы ты ехал на встречу, — сказала она.

Никита не отвёл взгляда.

— Потому что я мешаю?

— Потому что он согласился говорить с Верой, дочерью и полицейским. Тебя там не ждут.

— Понял.

Он не спросил, можно ли всё-таки поехать. Ася сделала глоток. Кофе был крепким и обжигал язык.

— И ещё, — продолжила она. — Если он спросит про записку, отвечай только за себя. Не угадывай, что я хочу услышать.

— Хорошо.

— Никита.

— Я услышал.

От его ровного тона ей стало неловко, хотя она не могла решить, за что именно. Вчера он мог бы сказать, что был рядом, когда это понадобилось. Мог бы потребовать, чтобы она доверяла ему больше. Не сказал.

— Я не пытаюсь тебя наказать, — произнесла она.

— Знаю. Ты пытаешься не принять моё желание помочь за основание для решения.

Ася коснулась пальцем неровного края листка.

— Иногда это одно и то же.

— Иногда. Поэтому лучше спрашивать.

Она хотела ответить, но в коридоре слышались быстрые шаги. В дверях появилась Вера. Она была в застёгнутом до горла пальто, с сумкой через плечо и аккуратно сложенным зонтом в руке. Лицо оставалось бледным, однако взгляд был ясным.

— Я готова, — сказала она. — Только сначала хочу увидеть письмо.

— Его сегодня не открывают, — напомнила Ася. — Оно в полиции. Открытие назначено официально, с описью.

— Я знаю. Мне не нужно его трогать. Я хочу ещё раз прочитать то, что уже записано в протоколе. Там могло быть неправильно понято.

Ася придвинула к ней копию. Вера прочла две страницы, не торопясь, шевеля губами на особенно трудных местах. Остановилась у слов «передать ей, когда будет готова».

— Вот это неверно, — сказала она.

— Ты вчера подтвердила, что узнала почерк отца.

— Почерк — да. Слова — нет.

Никита поднялся, но остался у стола.

— Ты уверена?

Вера посмотрела на него.

— Я сама не уверена в том, что именно помню. Поэтому и говорю: не записывайте мою догадку как факт.

Ася перечеркнула строку и сделала пометку: «Требуется уточнения со слов свидетельницы». Вера следила за ручкой, пока та не остановилась.

— Спасибо, — тихо сказала она.

Они отправились втроём, но Никита проводил их только до входа. У крыльца он застегнул пальто, глядя на серое небо.

— Позвони, когда закончите, — сказал он Асе.

— Позвоню, если будет что сообщить.

— Это честный ответ.

Она кивнула и пошла за Верой к служебной машине.

Квартира свидетеля находилась в старом доме на улице Мельничной, у самого изгиба реки. Подъезд пах капустой и сырой древесиной. На втором этаже их встретил худой мужчина лет семидесяти, представившийся Павлом Андреевичем Воронцовым. Рядом с ним стояла его дочь — коротко стриженная женщина в зелёном шарфе. Полицейский предъявил удостоверение и объяснил порядок беседы.

— Я согласился не потому, что мне есть что скрывать, — сказал Воронцов, пропуская их в комнату. — А потому, что вы назвали фамилию Лесиной.

Вера замерла на пороге.

— Вы знали моего отца?

— Знал его мать. Вашу бабушку, — ответил Воронцов. — Она работала в конторе при управе. Не чиновницей, не думайте. Переписывала бумаги и вела учёт ключей.

Ася села так, чтобы видеть его руки. Они заметно дрожали, когда он наливал себе воду, но голос звучал уверенно.

— В письме говорится о двери, — сказала она. — Вы знаете, где она находится?

— Я знаю, что так называли не дверь в стене. Так называли помещение за мастерской фонарщика. Там держали договорные книги.

— Значит, дверь в подвале открыла путь туда?

Воронцов нахмурился.

— В какой подвал?

Ася увидела, как Вера сжала ремень сумки.

— В подвале дома на Северной линии нашли скрытую дверь. Рядом был Руденко.

Старик медленно покачал головой.

— Тогда это не та дверь.

Первое объяснение рассыпалось так быстро, что Ася не сразу поняла, за что ещё можно держаться. Вера наклонилась вперёд.

— Но человек, который написал письмо, велел передать его мне.

— Я не видел письма. И не знаю, кто это написал. Я говорю только о том, что знал сам.

— Что именно?

Воронцов попросил дочь принести папку из буфета. Та достала тонкий картонный скорошиватель, перевязанный лентой. Старик не стал развязывать её, пока полицейский не записал источник и не спросил, разрешает ли он осмотр.

— Разрешаю, — сказал Воронцов. — Но это семейные бумаги. Я хочу, чтобы всё вернули после копирования.

Ася посмотрела на него:

— Так и будет.

Первым лежал квиток о сдаче ключей в городское хранилище. Под ним — заверенная выписка из реестра, датированная 1891 годом. На печати управления сохранились мелкие трещины, а в графе «назначение» стояло: «Запасной комплект ключей от мастерской и книгохранилища при Северной линии». Ниже была приписка другим почерком: «Получен по семейному договору. Передаче посторонним не подлежит».

— Это копия из архива? — спросила Ася.

— Нет. Оригинал. Его мой отец получил вместе с ключами.

— Ключи у вас?

Воронцов взглянул на дочь. Та помедлила, потом достала из кармана маленький латунный предмет, похожий на старую застёжку от портмоне. На одном конце темнела головка с двумя насечками. Ася сразу вспомнила вещь, которую вчера видела среди изъятых в подвале: такую же по форме, но без метки.

— Вот это? — спросила она.

— Не знаю, — ответил Воронцов. — Отец говорил, что ключом его называют зря. Это только часть механизма.

Вера не потянулась к предмету. Она смотрела на запись в реестре, будто в ней была строка, которую успела прочесть и не могла отменить.

— Значит, дверь существовала, — сказала она. — И моя семья знала о ней.

— Документально подтверждена мастерская и книгохранилище, — поправила Ася. — Не тот подвал, где нашли вас.

Вера резко подняла глаза. В её лице появилось не облегчение, а обида.

— Я не просила смягчать.

— Я не смягчаю. Я отделяю то, что мы знаем, от того, что пока предположили.

— А пока вы отделяете, кто-то успевает решать за меня.

Ася не ответила сразу. Она могла сказать, что именно этого и старается не допустить. Но за вчерашний вечер уже слишком многое было названо уверенностью раньше времени.

Воронцов перевёл взгляд с одной на другую.

— Я не знаю, кто вошёл в тот подвал и зачем. Но если ваша семья пользовалась договором, там должны быть подписи обеих сторон. Без них бумага ничего не доказывает.

— А если подписи есть? — спросила Вера.

— Тогда они доказывают, что кто-то согласился в тот день. Не что согласны вы.

Дочь Воронцова осторожно положила латунную деталь на стол. Полицейский сфотографировал её рядом с выпиской и записал, где она хранилась. Ася попросила разрешения сделать копию документа. Воронцов согласился, но перед тем как убрать бумаги, указал на нижний край реестра.

Там стоял регистрационный номер. Ася узнала его: такой номер встречался в папке о Северной линии, той самой, с которой началась вся история.

— Этот лист когда-либо передавали в городское управление? — спросила она.

— В девяносто третьем его запрашивали, — ответил Воронцов. — Нам прислали расписку. Копию я не сохранил.

Ася записала номер, не показывая, как холодеют пальцы. Значит, документ не просто жил в семейной папке. Он проходил через архив, и кто-то мог видеть его задолго до того, как Вера получила письмо.

На улице Вера остановилась под козырьком подъезда.

— Мы знали только часть, — сказала она. — А вы уже успели решить, что Руденко спрятал письмо ради меня.

— Да, — ответила Ася. — Мы успели.

— Вы решили за меня, что мне полезнее поверить в это, чем ждать.

Ася посмотрела на мокрый асфальт. Вера говорила тихо, но не отступала ни на слово.

— Я ошиблась в объяснении. Не в том, что ты имеешь право выбирать.

— Для меня это пока одно и то же.

Ася приняла эту фразу без возражений. Вчера она удержала Веру от решения, которого та не принимала свободно. Сегодня сама торопливо выстроила вокруг неё удобную версию, будто бережность оправдывает догадку.

— Ты права, — сказала она. — Я должна была спросить, прежде чем связывать Руденко с письмом.

Вера опустила взгляд на свою сумку.

— Я не знаю, могу ли теперь доверять твоим выводам.

— Это не нужно решать сегодня.

Вера кивнула, но не смягчилась.

Телефон Аси завибрировал. Сообщение пришло от Никиты: «Как прошло?»

Она написала: «Есть документ из семейного архива. Подтверждает договор и существование книгохранилища. Остальное пока не знаем».

Через минуту он ответил: «Понял. Не буду угадывать».

Ася не почувствовала облегчения. Теперь у них был подтверждённый факт и новый повод пересмотреть вчерашние выводы. Но доверие, которое она пыталась беречь, стало тоньше именно там, где она считала себя осторожной.

Ася не сразу убрала телефон в карман. Сообщение Никиты оставалось на экране, короткое и ровное, без привычной попытки угадать, что ей сейчас нужно.

Она перечитала его ещё раз, потом написала:

«Я возвращаюсь в архив. Если хочешь приехать, сначала спроси».

Ответ пришёл почти сразу:

«Хочу. Спрашиваю».

Ася посмотрела на Веру. Та стояла у подъезда, придерживая сумку обеими руками, будто в ней лежало что-то хрупкое, хотя внутри были только документы и телефон.

— Никита приедет в архив, — сказала Ася. — Я позвала его не потому, что мне нужен сопровождающий. Мне нужна будет вторая пара глаз.

— Вы спросили меня?

— Да.

Вера несколько секунд молчала.

— Тогда приезжайте. Но копию документа я пока никому не отдаю.

— Я не буду.

— Даже ему?

— Даже ему.

Вера кивнула, и в этом жесте не было доверия, только проверка, которую Ася на этот раз выдержала правильно.

— Я поеду к дочери, — сказала Вера. — И сама решу, буду ли завтра говорить с Руденко ещё раз.

— Полицейский должен знать.

— Я сообщу.

Ася дождалась, пока Вера войдёт в подъезд, и лишь потом пошла к остановке. Дождь усилился, с крыш падали тяжёлые капли, разбиваясь о козырьки и капоты машин. Город постепенно возвращался к обычному виду: люди спешили под зонтами, у булочной выстроилась очередь, на перекрёстке ругался водитель автобуса. После ночи в закрытом архиве Североград казался почти убедительно нормальным.

В городское управление Ася добралась через двадцать минут. В читальном зале архива горела только половина ламп. Остальные погасили из-за протекавшего потолка: над дальними стеллажами стояли пластиковые вёдра, и каждая капля падала с одинаковым глухим звуком.

Людмила Петровна, заведующая архивом, узнала Асю и нахмурилась.

— Вы ведь утром уже были.

— Да. Мне нужно поднять журнал выдачи за тысяча девятьсот девяносто третий год. Регистрационный номер я записала.

— Чей запрос?

— Пока не знаю.

— А если я знаю, вам от этого легче не станет, — заметила Людмила Петровна. — Старые журналы не любят, когда их тревожат без причины.

— Причина есть.

— У вас всегда есть причина. Только иногда она появляется после того, как вы уже открыли коробку.

Ася не улыбнулась. Людмила Петровна это заметила и перестала шутить.

— Номер?

Ася назвала его. Заведующая достала из шкафа связку ключей, прошла в дальнюю часть зала и вернулась с узкой коричневой книгой в выцветшем полотняном переплёте. На обложке сохранилась наклейка: «Исходящие запросы. 1993».

— Перчатки, — сказала Людмила Петровна.

Ася надела их. Бумага пахла сухой пылью и старым клеем. Запись нашлась на третьем развороте, почти внизу страницы.

«Рег. № 47-Н. Запрос о предоставлении копии реестра Северной линии и приложения к договору. Основание: служебная проверка. Получатель: городской отдел имущественных отношений. Выдано под расписку».

Ниже стояла дата — 18 октября 1993 года.

— Здесь есть имя? — спросила Ася.

— На следующей странице обычно расписывались за получение.

Людмила Петровна осторожно перелистнула лист. Под номером значилась фамилия: «Руденко П. А.».

Ася почувствовала, как внутри неприятно сжалось. Вчера она сама допустила, что Руденко спрятал письмо, чтобы защитить Веру. Теперь перед ней лежало подтверждение: двадцать девять лет назад он действительно получал копию документа, связанного с Северной линией и семейным договором.

— Это тот же Руденко? — спросила она.

— Павел Аркадьевич? Насколько помню, да. Он тогда работал в отделе имущественных отношений. Молодой специалист, очень аккуратный. Приходил лично.

— В журнале указано, что ему выдали приложение?

— Указано, что выдали копию реестра и приложение к договору. А вот что именно вошло в приложение, нужно искать по описи.

Ася записала всё в блокнот. Рука двигалась ровно, хотя мысли торопились одна за другой.

Руденко не просто мог знать о документе. Он держал его копию. Возможно, видел подписи, читал условия договора, понимал, что означает латунная деталь. Но это по-прежнему не доказывало, что он спрятал письмо сейчас. Не доказывало, что письмо было предназначено Вере. И не объясняло, кто оставил его в подвале.

Дверь читального зала открылась. Никита вошёл, стряхнул воду с рукава и остановился у порога.

— Я спросил, — сказал он.

Ася посмотрела на него.

— Я согласилась.

Он кивнул Людмиле Петровне и подошёл к столу, не заглядывая в журнал.

— Что нашла?

Ася повернула к нему блокнот, но не сам документ.

— Руденко получал копию реестра в девяносто третьем. Официально. Под расписку.

Никита прочитал запись.

— Значит, он знал о договоре.

— Значит, он имел доступ к документу. Это разные вещи.

— Я понимаю.

— А я вчера не разделила эти вещи.

Никита поднял глаза.

— Ты решила, что знание даёт ему мотив.

— Я решила, что мотив удобнее неизвестности.

Он не стал спорить. Только снял мокрые перчатки и положил их рядом с телефоном.

— Нужно найти опись приложения.

— Да.

— Ты хочешь, чтобы я искал?

Ася посмотрела на него внимательнее.

— В читальном зале два стола. Работаем отдельно. Не бери журнал из моих рук и не делай выводов за меня.

— Договорились.

Людмила Петровна принесла ещё одну папку. На её обложке простым карандашом было написано: «Северная линия. Приложения. Выдача по запросам». Внутри лежали расписки, копии сопроводительных писем и маленькая карточка учёта.

Ася достала её первой. На карточке значилось: «Приложение к договору № 47-Н. Выдано 18.10.1993. Возвращено 21.10.1993. Состояние: без повреждений».

Под последней строкой стояла подпись архивного работника.

— Он вернул копию, — сказала Ася.

Никита, сидевший напротив, поднял взгляд.

— Значит, у Руденко не было её после двадцать первого октября.

— У него могла остаться личная копия.

— Могла.

— Но этого мы не знаем.

Она провела пальцем над строкой, не касаясь бумаги.

В тот момент зазвонил её телефон. Номер был незнакомым. Ася ответила.

— Лесина?

Голос Руденко звучал хрипло, но без прежней насмешки.

— Да.

— Мне сказали, вы снова подняли мой старый запрос.

— Мы нашли расписку. Вы получали копию реестра и приложение к договору.

На другом конце повисла пауза.

— Получал.

— Почему вы не сказали об этом вчера?

— Потому что вы спрашивали, кто оставил письмо Вере. Я не считал нужным рассказывать о работе тридцатилетней давности.

— А теперь считаете?

— Теперь понимаю, что вы уже решили, будто я что-то скрываю.

Ася закрыла глаза. Фраза ударила точнее, чем обвинение.

— Я не должна была решать за вас, что именно вы скрываете, — сказала она. — Но мне нужно знать, зачем вы приходили в архив в девяносто третьем.

— По поручению начальника. В отделе проверяли старые земельные соглашения перед передачей участка под новую линию освещения.

— И что было в приложении?

— Подписи. Условия доступа. Ограничение на вскрытие семейного хранилища без согласия наследников.

Никита перестал листать папку.

— Вы знали о книгохранилище? — спросила Ася.

— Знал, что оно упоминается в договоре. Никогда его не видел.

— Почему молчали?

— Потому что Вера и так прожила полжизни рядом с чужой тайной. Я не хотел делать вид, будто очередная бумага объяснит ей всё.

— Но письмо вы не прятали?

— Нет.

Ответ прозвучал сразу.

— Тогда кто оставил его в подвале?

— Не знаю.

Руденко отключился, прежде чем Ася успела задать следующий вопрос.

Она медленно положила телефон на стол. Теперь ложь заключалась не в том, что Руденко имел доступ к документам. Ложным оказалось её первое объяснение его поступка. Он не защищал Веру и не пытался управлять её выбором. Он просто промолчал, потому что считал молчание менее опасным, чем правда.

И это молчание уже имело последствия.

— Ты слышал? — спросила Ася.

— Да.

— Я не хочу, чтобы ты пересказывал этот разговор кому-либо без моего согласия.

— Не буду.

— И не хочу, чтобы ты утешал меня.

Никита убрал руку с папки.

— Тогда я просто останусь здесь.

Ася посмотрела на него и впервые за весь день позволила себе не отвечать сразу. Между ними лежали старый журнал, карточка возврата и аккуратно сложенная копия документа, который никто не имел права превращать в чужое решение.

— Оставайся, — сказала она. — Но сначала помоги мне найти, кто подписал служебную проверку.

Никита придвинул к себе журнал, но не стал перелистывать его наугад.

— Служебная проверка должна быть в деле по линии освещения, — сказал он. — Если её не подшили к договору, могла остаться в переписке управления.

— Или в журнале исходящих.

— Начнём с него.

Ася достала из шкафа тонкую опись. За окном дождь сбавил силу, но вода всё ещё стекала по стеклу широкими мутными полосами. В архивной комнате было холоднее, чем в коридоре; батарея постукивала так, будто кто-то тихо просил впустить.

Они работали молча. Ася сверяла номера исходящих с карточками, Никита раскладывал папки по годам. Сначала поиск казался простым: конец девяносто третьего, проверка земельных соглашений, подпись начальника отдела. Но в описи обнаружились два пропуска — дела, переданные в управление городского имущества без отметки о возврате.

— Вот, — сказала Ася, придержав лист. — Номер семьдесят один. Запрос на проверку условий доступа к хранилищу.

Никита наклонился к странице.

— А второй?

— Семьдесят четыре. «О результатах рассмотрения». Между ними три дня.

— Есть адресат?

— Управление имущества.

— Значит, копия могла остаться у них.

— Могла. Но мы ищем подпись, а не предполагаем, где она.

Она подняла глаза. Никита едва заметно кивнул и не стал спорить.

В папке с исходящими номерами семьдесят один и семьдесят четыре лежали рядом, но лист с регистрацией ответа был вынут. На его месте остался прямоугольник чуть светлее остальной страницы. Ася проверила крепление, осмотрела корешок и записала состояние дела в рабочий журнал.

— Кто-то вырвал?

— Или лист сняли при копировании, — сказал Никита.

— Тогда в деле должно быть указано, куда его передали.

— Если указали.

Она не ответила. На полях соседней карточки проступали чернила с обратной стороны. Ася поднесла её к настольной лампе, не сгибая. Несколько цифр читались через бумагу: номер приложения и две буквы, похожие на инициалы.

— «М. С.»? — спросил Никита.

— Возможно. Но догадка нам не поможет.

Она записала номер приложения и проверила его по каталогу. Карточка вела к отдельному журналу выдачи служебных копий. Его принесли из соседнего помещения в плотном сером переплёте. У журнала была перекошена обложка, на углах проступила ткань. Ася раскрыла его на нужной дате.

Запись нашлась не сразу. Сначала шли ведомости, потом запросы на ремонт, затем — отметка о выдаче приложения к договору. Получатель: Руденко. Ниже, другой строкой, значилась копия заключения по проверке. Подпись стояла не его.

Ася прочла фамилию вслух:

— Сазонов.

— Начальник отдела?

— Заместитель. Он подписывал проверку.

Она нашла его фамилию в справочнике кадровых приказов. Сазонов уволился через год после проверки; позднее несколько лет числился консультантом при управлении имущества. Это не доказывало, что он забрал лист. Не объясняло и того, почему регистрационная запись исчезла из папки.

Никита провёл пальцем рядом с нужной строкой, не касаясь её.

— По крайней мере, теперь мы знаем, чья подпись должна быть на заключении.

— И что Руденко получил приложение. Это подтверждено документально.

— Ты думала, он не знал о хранилище.

— Я думала, что его молчание было способом управлять Верой.

В голосе Аси не было прежней резкости. От этого слова прозвучали тяжелее.

— Он всё равно промолчал, — сказал Никита.

— Да. Но это не одно и то же.

Она сняла копию страницы для рабочей папки, отметила номер журнала и поставила дату. Потом отдельно записала, что оригинал не изымался. Бумага не давала ответов о намерениях, зато не позволяла каждому выбирать удобную версию событий.

Телефон зазвонил снова. На экране высветилось имя Веры.

— Ася, — сказала та без приветствия. — Ты можешь говорить?

— Да.

— Мне позвонили из управления имущества. Спросили, зачем я интересуюсь старым договором. Я никому не звонила и ничего не запрашивала.

Ася выпрямилась.

— Кто звонил?

— Мужчина назвал себя помощником начальника отдела. Он сказал, что хочет уточнить, не собираюсь ли я оспаривать доступ к хранилищу. Я ответила, что не знаю, о чём речь. Потом он спросил, где находится письмо.

Никита поднял на Асю глаза.

— Ты сказала ему?

— Нет. Я положила трубку. Ася, он знает, что письмо у вас?

— Не знаю. Ты правильно сделала, что не стала продолжать разговор. Я передам номер полиции. Если он позвонит ещё раз, не объясняй и не обещай ничего. Запиши время, имя и точные слова, если сможешь.

— Они могут прийти сюда?

— Если придут, не открывай дверь и сразу звони в полицию.

Вера помолчала.

— Я не хочу, чтобы из-за меня кто-то снова решал, что мне можно знать.

— Тогда никто не будет отвечать за тебя. Но безопасность — не повод оставаться одной. Есть человек, которому ты сама готова позвонить?

— Дочь. Она уже едет ко мне.

— Хорошо. Я сообщу полицейскому о звонке и не передам твой адрес никому, кроме тех, кому ты разрешишь.

— Спасибо.

Ася дождалась, пока Вера отключится, и только тогда опустила телефон.

- Теперь кто-то знает о письме, — сказал Никита.
- Или пытается заставить нас поверить, что знает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.